

ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
«МЕЛОДИЯ»

ИСКУССТВО

ИВАНА СЕМЕНОВИЧА КОЗЛОВСКОГО

ВСЕСОЮЗНАЯ СТУДИЯ ГРАМЗАПИСИ

Москва, 1970 г.

ИСКУССТВО

ИВАНА СЕМЕНОВИЧА КОЗЛОВСКОГО

Первая пластинка

Д 028065-6

- А. ДАРГОМЫЖСКИЙ — Каватина Князя
(«Русалка», 3 д.)
Запись 1952 г.
- Э. НАПРАВНИК — Речитатив и романс Владимира
(«Дубровский», 1 д.)
Запись 1949 г.
- Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ — Речитатив и песня Левко
(«Майская ночь», 3 д.)
Запись 1952 г.
- М. МУСОРГСКИЙ — Сцена у храма Василия Блаженного
(«Борис Годунов», 4 д.)
Юродивый — И. Козловский
Борис — А. Пирогов
Запись 1949 г.
- ДЖ. РОССИНИ — Каватина Альмавивы
(«Севильский цирюльник», 1 д.)
Запись 1951 г.
- Л. ДЕЛИБ — Ария Джеральда
(«Лакме», 1 д.)
Запись 1951 г.
- Р. ЛЕОНКАВАЛЛО — Серенада Арлекина
(«Паяцы», 2 д.)
Запись 1952 г.
- Ш. ГУНО — Каватина Ромео
(«Ромео и Джульетта», 2 д.)
Запись 1947 г.
- Р. ВАГНЕР — Рассказ Лозэнгина
(«Лозэнгин», 3 д.)
Запись 1957 г.
- Ж. МАССНЕ — Грезы де Грие
(«Манон», 2 д.)
Запись 1952 г.

ОРКЕСТР БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Дирижеры: С. САМОСУД (1, 5—7, 9, 10)

В. НЕБОЛЬСИН (2)

Н. ГОЛОВАНОВ (3, 4)

А. ОРЛОВ (8)

Вторая пластинка

Д 028063-4

- А. БОРОДИН — Для берегов отчизны дальней (А. Пушкин)
Запись 1947 г.

Ц. КЮИ — Сеятелям (Н. Некрасов)

Запись 1945 г.

С. ТАНЕЕВ — В дымке-невидимке (А. Фет)

Запись 1952 г.

А. СКРЯБИН — Романс (А. Скрябин)

Запись 1958 г.

П. ЧАЙКОВСКИЙ — В эту лунную ночь (Д. Ратгауз)

Запись 1952 г.

Н. МЕТНЕР — Ангел (А. Пушкин)

Запись 1959 г.

М. МУСОРГСКИЙ — Полководец (А. Голенищев-Кутузов)

Запись 1959 г.

И. С. БАХ — Ты — друг мой истинный

Весенняя песня

Прощание

(русский текст С. Гинзберг)

Запись 1955 г.

Л. БЕТХОВЕН — Люблю тебя (К. Херозее)

Запись 1947 г.

Поцелуй (Х. Вейссе)

Запись 1945 г.

Ф. ШУБЕРТ — Юноша у ручья (Ф. Шиллер)

Милый цвет (В. Мюллер)

Запись 1946 г.

Э. ШОССОН — Поэма о любви и море (М. Бупор)

(фрагмент)

Запись 1965 г.

Партия фортепиано: М. Сахаров (1)

Н. Вальтер (2, 4, 12—15)

П. Никитин (3, 5—8)

Партия органа П. Никитин (9—11)

БОЛЬШОЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР

ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО

Дирижер Г. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (16)

Третья пластинка

Д 028059-60

Е. КОЖЕВНИКОВА — Элегия (Г. Кржижановский)

Ю. ШАПОРИН — Вокализ

В. ГАЙГЕРОВА — Ария Печорина

(«Крепость у Каменного брода»)

В. КИКТА — Плач о потерянном сердце (И. Такубоку)

А. ЮРАСОВСКИЙ — Ария Библи
(«Трильби»)

Л. ЛЮЦЦИ — Ave Maria

С. Дигенко — орган (1)

МОСКОВСКИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР

Художественный руководитель Р. БАРШАЙ

А. Корнеев — флейта (4)

БОЛЬШОЙ ХОР ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО

Художественный руководитель К. ПТИЦА

ОРКЕСТР БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Дирижер И. ГУСМАН

Запись концерта 18 января 1970 г.

Четвертая пластинка

Д 028061-2

Ю. ШАПОРИН — Призыв Старика

Вечная слава, вечная память павшим героям
(«Сказание о битве за Русскую землю»)

Солисты — И. Козловский,

Н. Дербина, Г. Троицкий

Н. ЛЕОНТОВИЧ — Легенда

Моя песня

Русская народная песня «Вечерний звон» (И. Козлов)

Е. ШАШИНА — Выхожу один я на дорогу (М. Лермонтов)

С. ВАСИЛЕНКО — Девушка пела в церковном хоре (А. Блок)

Украинские народные колядки: Идет звезда чудна

Ирод-царь

Добрый вечер

Нова рада

По всему свету

Е. Охотникова, Л. Олешкович (10)

Р. Лисицян, К. Лисицян (11, 12)

БОЛЬШОЙ ХОР ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО

Художественный руководитель К. ПТИЦА

ОРКЕСТР БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

Дирижер И. ГУСМАН

Запись концерта 18 января 1970 г.

Настоящий альбом пластинок — лишь очень малая доля того, что составляет репертуар народного артиста СССР Ивана Семеновича Козловского. Но будь альбом вдесятеро больше, он все равно не был бы исчерпывающим. И не только потому, что репертуар Козловского поистине необъятен. Потому еще, что артист беспрестанно расширяет его, непрерывно дая благодарным слушателям радость знакомства со все новыми и новыми для них страницами отечественной и зарубежной музыки — старой и созданной в наши дни, никогда еще не исполнявшейся или незаслуженно забытой, но которая и сегодня может быть нужной людям, и сегодня может дарить им радость. Только за последние восемь концертных сезонов и только в Москве Козловский исполнил пятьдесят четыре (!) никогда не петь им ранее произведения русской и зарубежной классики и советских композиторов. Многие из них были исполнены вообще впервые (или впервые у нас) — как Серенада для тенора, валторны и струнного оркестра Б. Бриттена, как «Поэма о любви и море» для солиста и оркестра Э. Шоссона, как автентическая редакция кантаты «Молитва» для солиста, хора и оркестра Глинки, как несколько номеров из «Всенощной» Рахманинова... Отобрать из этого богатейшего творческого фонда какую-то «лучшую» часть — задача очень трудная. В альбоме представлены разные, хотя и одинаково типичные для вокального искусства Козловского записи. Одни из них хорошо нам известны: они уже давно и неразрывно связаны в нашем представлении с творческой индивидуальностью певца, с его неповторимым художественно-исполнительским почерком, со всем его артистическим обликом. Другие знакомят нас с последними работами артиста, с его неустанными поисками и неизменно счастливыми находками.

Жизнь, целиком, без остатка отданная музыке. Пятьдесят лет — полвека! — самого высокого, без единого потерянного дня служения искусству и людям. Простая внешне, но такая яркая, глубокая, внутренне наполненная биография, где каждая страница — творческое подвижничество, а вся она — жизненный подвиг артиста.

...Сын крестьянина, Иван Семенович Козловский родился 11 (24) марта 1900 года в украинском селе Марьяновка, близ Белой Церкви, неподалеку от Киева. Рано пробудившаяся в мальчике любовь к музыке и пению, исключительный слух и редкой красоты, от природы поставленный голос, окружение музыкально одаренных и душевно чутких людей в родном доме, наконец, сама щедрая украинская природа, где чудесные песни сами собой узорами влетают в живописные пейзажи, — все это счастливо благоприятствовало чрезвычайно быстрому музыкальному развитию будущего артиста. Мальчик с увлечением пел в школьном хоре. Совсем юным подростком он был принят в хор Троицкого народного дома в Киеве, а вскоре стал и солистом большого академического хора, которым руководил известный в Киеве композитор и хормейстер А. Кошиц — первый профессиональный наставник Козловского. Именно Кошиц, угадав в молодом певце подлинный талант и желая содействовать его развитию, рекомендовал своего ученика опытнейшему педагогу-вокалисту Елене Александровне Муравьевой, преподававшей в Киевском музыкально-драматическом институте. Козловского прослушали, он был принят, а в 1920 году с отличием окончил институт по классу пения профессора Е. А. Муравьевой.

В том же году — еще шла гражданская война — Козловский добровольцем ушел в Красную Армию и был направлен в Полтаву. Когда в городе организовалась оперная труппа, красноармеец Козловский стал выступать по вечерам на сцене. Он пел в «Евгении Онегине», «Демоне», «Дубровском», в «Гальке» Моношкo, исполнял такие ответственные и технически сложные партии, как Фауст, Герцог из «Риголетто», Альфред из «Травиаты». Именно в Полтаве Козловский, по существу, сформировался как оперный артист.

В 1923 году, по окончании военной службы, Козловский пел в Харьковском театре, затем в Свердловске, а осенью 1925 года его имя впервые появилось на московских афишах; И. С. Козловский дебютировал на сцене Большого театра в партии Альфреда в «Травиате».

С тех пор артист спел и сыграл на оперной сцене свыше пятидесяти самых разнообразных ролей. Среди них — пылкий и восторженный юноша Ленский, «...романтик, ...существо, доступное всему прекрасному, высокому» (Белинский), — образ, созданный Козловским на основе собиновских традиций и в то же время совершенно самобытный, принадлежащий к золотому фонду русской исполнительской культуры. Здесь — убеленный сединами мудрый царь Берендей; чарующей поэзией северной весны, неуловимым благоуханием «цветка весеннего, задумчиво склоненного ландыша» дышит в исполнении артиста знаменитая каватина царя Берендея — возвышенно-целомудренный гимн вечно юной природе, жизни и красоте. Здесь — древнерусский княжич Владимир Игоревич и в рубище, с веригами на шее и с провидчески ясными, чистыми глазами Николка-юродивый; легкомысленный и беспечный янки Пинкертон и таинственный, неземной посол Граала, благородный рыцарь Лознгрин; легендарный Орфей, чье пение оживляло камни и укрощало фурий, и трогательно смешной паяц Арлекин, потешающий невзыскательную публику провинциального балагана. Разительно несхожие роли! Несхожие и характером образов, и

теми чисто вокальными требованиями, которые они предъявляют певцу. Чтобы равно совершенно исполнить их все, нужно обладать многим. Не только голосовыми данными, позволяющими одинаково легко справиться с партиями и драматического тенора (Лознгрин, Хозе), и меццо-сопрановыми (Орфей, Зибель), и даже с очень высокой по тесситуре партией Звездочета в «Золотом петушке», предназначенной для характерного голоса альтино. Необходима еще творческая фантазия, необходимо мастерство перевоплощения, умение постигать художественные стили разных эпох, дух и характер различных национальных культур — черта, свойственная только истинным художникам.

В альбом вошли десять арий и сцен из оперного репертуара Козловского. Это не много, но все десять — из числа тех, что в исполнении Козловского давно уже стали образцом вокально-сценического искусства. Незабываемый Ромео (Гуно) — каватина «Солнце, взойди скорей», восторженный гимн первой юношеской любви; возвышенно-романтический музыкальный мир Лознгрин — одно из лучших созданий Козловского на оперной сцене; простодушно-наивная серенада Арлекина, исполняемая артистом с бесподобной легкостью и изяществом; каватина Альмавивы из «Севильского цирюльника» — блестящий пример совершенного владения Козловским искусством классического итальянского bel canto. Включены в альбом и редкие, давно не воспроизводившиеся записи — ария Джеральда из «Лакме» Делиба и грезы де Грие из «Манон Леско» Массне.

С особой силой раскрывается артистический дар Козловского в партиях русского классического оперного репертуара, всегда проникнутого духом высокого гуманизма и гражданственности, всегда современного и глубоко реалистичного, — в операх Глинки и Даргомыжского, Бородина и Мусоргского, Римского-Корсакова и Чайковского. В альбоме четыре таких фрагмента. Как по-человечески просто и проникновенно поет Козловский такой, казалось бы, «заплетый» номер, как романс Дубровского. Какая правда переживания, чувства, горького раскаяния в монологе Князя из «Русалки». Или — совсем иной мир, поэзия волшебной украинской ночи, тихий пруд с лунными бликами, сладкий запах тополей и чудное пение Левко — Козловского, сначала словно перекликающееся с колышущимися, зачарованными голосами оркестра (в речитативе), а затем сливающееся с ними в мягких, баюкающих грезах: «Спи, моя красавица». Эта сцена (речитатив и песня Левко из III акта «Майской ночи» Римского-Корсакова), по чуткости восприятия красоты природы, естественности выражения и задушевности лиризма — одна из вдохновеннейших страниц в творчестве Козловского.

Здесь же высшее, по единодушному признанию, достижение артиста — Юродивый Мусоргского. Образ, созданный Козловским с бесподобной силой, ставший в его исполнении по-пушкински великим выражением «судьбы народной», голосом народа, криком его страданий, укором его совести. Все в этой сцене, исполняемой Козловским с неподражаемым мастерством, от первого до последнего произносимого им слова, от бессмысленной песенки Юродивого «Месяц едет, котенок плачет» до знаменитого приговора «Нельзя молиться за царя-Ирода» полно такой бездонной глубины, смысла и значения, такой правды жизни (и правды искусства!), которые поднимают эту эпизодическую роль на грань высочайшей трагедийности... Есть в мировом театре роли (их немного!), что давно слились в нашем представлении с тем или иным выдающимся актером. Таков Юродивый. Он навсегда останется в нашей памяти как Юродивый — Козловский.

...С самого начала своего творческого пути И. С. Козловский неизменно сочетает оперную сцену с концертной. И если в оперном репертуаре артиста свыше пятидесяти названий, то в концертном их несколько сотен. Среди них — романсы Глинки и Даргомыжского, Бородина и Балакирева, Чайковского и Римского-Корсакова, Аренского и Рахманинова, Варламова и Яковлева, Булахова и Гурилева, кантаты Баха, бетховенский цикл «К далекой возлюбленной», цикл Шумана «Любовь поэта», песни Шуберта, Веckerлена, Листа, старинные романсы, украинские и русские народные песни. Только за последние несколько лет в исполнении Козловского впервые прозвучали малоизвестные романсы Н. Метнера, романсы Рахманинова в сопровождении оркестра (в том числе — «Монолог Пимена»), романсы В. Юровского на стихи Есенина, новые романсы украинских композиторов — и это далеко еще не все.

Концертная сцена для Козловского не есть что-то принципиально отличное от сцены оперной. И на ней он остается тем же исключительно требовательным к себе и постоянно ищущим художником. Как и на оперной сцене, в концертном зале артист не просто поет, он творит образ, ищет, говоря словами Даргомыжского, не красивых звуков, но художественной правды. Поэтому у Козловского подчас иная камерная пьеса глубиной мысли и виртуозной отделкой деталей не уступает по силе своего эмоционального воздействия целой оперной партии. Вспомним такие шедевры исполнительского искусства Козловского, как «Не пой, красавица» Рахманинова — насколько идеальна здесь гармония великолепного пушкинского стиха, чудной музыки и классически совершенного пения! Или возвышенно-светлое «Редеет облаков летучая гряда» Римского-Корсакова. Или ан-

тичная по своей сдержанной, но глубокой печали элегия «Для берегов отчизны дальней» Бородина (слушатель найдет ее в альбоме). Или, наконец, бессмертное глинкаевское «Я помню чудное мгновенье» — сколько в этом романсе света, сколько веры, счастья и переполняющего грудь чувства душевного обновления, когда его поет Козловский!

Романсы, вошедшие в альбом, относятся к той части камерного репертуара Козловского, которая менее известна широким кругам любителей. Большинство из них появляется в грамзаписи впервые: прелестный «акварельный» ноктюрн Танеева «В дымке-невидимке», песни Баха в сопровождении органа, романс Кюи «Сеятелям» на известные стихи Некрасова и потрясающий своим драматизмом «Полководец» Мусоргского. Здесь же заключительный фрагмент «Поэмы о любви и море» французского композитора Эрнеста Шоссона на слова Мориса Бушора, впервые исполненной Козловским в 1964 году. Примечательно, что, несмотря на трагический финал (содержание поэмы — рассказанная от первого лица история любви, которую погубило море), «Поэма» не звучит у Козловского пессимистически. В заключительных фразах певца — боль утраты, но не безразличие отчаяния, скорбь, но не безнадежность. Герой тоскует, но находит в себе силы остаться мужественным.

18 января 1970 года, за два месяца до своего семидесятилетия Иван Семенович Козловский выступил в Большом зале консерватории с концертом, запись которого полностью вошла в настоящий альбом. В тот вечер певец исполнял почти исключительно сочинения советских композиторов — Ю. Шапорина, Н. Леонтовича, В. Гайгеровой, Е. Кожевниковой, В. Кикты. В напечатанной программе половина номеров имела примечание: «первое исполнение».

Концерт открылся двумя фрагментами из оратории «Сказание о битве за Русскую землю» Ю. Шапорина. В сопровождении оркестра и хора Всесоюзного радио и телевидения Козловский исполнил «Призыв старика» и «Вечная слава, вечная память павшим героям» (его партнерами были солисты радио и телевидения Н. Дербина и Г. Троицкий).

...Всекие ассоциации условны и субъективны, но если бы искусство не обладало способностью вызывать их, оно утратило бы одну из волшебных тайн своего воздействия на человека. В Козловском на концертной сцене есть что-то от рыцаря на турнире, выходящего на поединок не из-за суетного честолюбия, но по повелению Грааля — «за верность, честь и правду»; что-то от древнерусского витязя на бранном поле... Именно такой витязь рисовался воображению, когда звучал возвышенно-патриотический «Призыв старика». Витязь, всю жизнь проведший в бранных трудах, защищавший отчий дом и родной край, а ныне убеленный сединами, но готовый в трудную минуту снова взять в крепкую еще руку боевой меч свой, призывающий молодых ратников отомстить за слезы и кровь, напутствующий воинство на святой подвиг. Удивительно звучал голос Козловского! Глубоко русский образ, исполненный веры и мужества, истинно славянской крепости и особенной, одухотворенной мудрости. Он во многом сродни таким созданиям Козловского, как Баян в «Руслане и Людмиле» или Пимен Рахманинова.

Иная — библейская — древность слышится в исполнении другого шапоринского сочинения — «Вокализа». Поразителен дар перевоплощения, которым владеет Козловский! Первозданная дикость, тоска, что-то мистически-заклинательное в причудливых, неожиданных скачках напева (вариант, исполненный Козловским в концерте, отличается от печатного издания «Вокализа») — все это было передано, лучше сказать — воссоздано, сотворено артистом в процессе исполнения с таким виртуозным мастерством, с таким всепроникающим ощущением стиля, что, казалось, он поет «Вокализ» уже много лет...

Впервые прозвучали в тот вечер и ария Печорина из оперы В. Гайгеровой «Крепость у Каменного брода» (на лермонтовский текст «Тучки небесные, вечные странники») и «Элегия» молодого композитора Е. Кожевниковой на стихи Г. Кржижановского. Написанная неопытной еще рукой, «Элегия» в исполнении мастера обрела и стилистическую завершенность, и ту значительность высказывания, которая заложена в тексте. Посвященная Кржижановским Козловскому, «Элегия» отмечена философской сосредоточенностью мысли и какой-то светлой, оптимистической грустью:

...Вспомнишь ли ты нас, грядущий исполин?
Пошлешь ли свой привет ты нашим теням
С достигнутых тобой невиданных вершин?

...Когда слушаешь Козловского, особенно явственно ощущаешь, какой безграничной властью может обладать выразительно произнесенное (в пении) слово. Какая сила воздействия бывает заключена в интонации, рожденной от гармонии чувства и мысли. Пение Козловского не только вокально (технически) совершенно. Оно глубочайше осмыслено, поверено «не алгеброй», но чутким, щедро отзывчивым сердцем артиста-художника и взвешивающим рассудком вдумчивого музыканта. Умение, говоря словами Шалапина, «по разному окрашивать звук скрытой за ним мыслью и эмоцией», умение для каждого образа, для каждой вокальной фразы найти единственно верную в данном музыкальном контексте звуковую краску — вот что делает интерпретацию Козловского и неповторимой, и всегда убеждающей, создает ощущение невозможности какого-либо иного произнесения.

Вокальный цикл В. Кикты «Плач о потерянном сердце» на слова Исикава Такубоку — это семь миниатюр в классической форме древней японской поэзии «танка». Предельная сжатость, эскизная контурность поэтического рисунка, тонкая система традиционных ассоциаций делают «танка» своеобразными афоризмами, то философски-мудрыми, то лирически-созерцательными. Чрезвычайно трудная задача — превратить подобные литературные афоризмы в музыкальные (вокальные) образы. Но Козловский «прочел» их так, что сразу же заставил поверить и принять именно такое прочтение. Он исполнил цикл с филигранным мастерством, с ювелирной отделкой и расстановкой нюансов — легчайших акцентов, едва уловимых пауз, с чистейшим интонированием вокально прихотливой, местами напряженной, хроматически обостренной мелодической линии. Особенно запоминаются из миниатюр изящно-стаккатная «Сверчок звенит в траве» (поразителен эффект звенящего, «колокольчикового» звука, которого добивается здесь Козловский!) и экспрессивная, взволнованная «Плача, я с богом спорил».

В том же концерте Козловский впервые исполнил перед москвичами «Ave Maria» композитора Л. Люцци (в сопровождении хора a cappella). Классически ясное, чистое пение, строгая и благородная манера — русская вокальная школа, восстановленная в своих глинкаевских традициях. Так же чудесно, на беспредельном legato звучит у Козловского его давний шедевр, так любимый слушателями, — «Вечерний звон» (в концерте он был исполнен на «бис»).

Настоящим откровением остались в памяти украинские колядки — величальные песни, с которыми молодежь (вспомним гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» или «Ночь перед Рождеством» Римского-Корсакова!) ходила в рождественские вечера по селу, от одной хаты к другой, пела и поздравляла соседей. Несказанной красоты и безыскусственности, какие можно найти только в фольклоре, в чудном исполнении — так, как поют их в народе (сценарий и вся композиция этих развернутых пьес принадлежат Козловскому), — эти колядки живо рисуют в воображении картину: заснеженную улицу вечернего села, колядников с бандурами, пением и голоса их, постепенно тающие вдали... Неизгладимое впечатление!

Нельзя не любить искусство Козловского, проникнутое удивительно светлым, гармоничным, «глинкаевским» мироощущением. Нельзя не восхищаться его волшебным исполнительским обаянием, в котором так счастье и вместе с тем так органично соединились мудрость подлинного таланта и неутраченная юность души. Нельзя не уважать в артисте его высокоэтическое отношение к своему профессиональному долгу, сознание ответственности за свой вклад в искусство. Нельзя не быть просто, по-человечески, бесконечно благодарным Ивану Семеновичу Козловскому за то счастье духовного общения с миром прекрасного, которое он так щедро дарит нам.

П. ПИЧУГИН